

“К двоюродной бабушке, как и к многим другим тетушкам, у Цин-Янь нет претензий. Я просто поняла, что мои родители любят мир, а поскольку в семье Чу становится все больше людей, тогда будет ещё больше тех, кто бесконечно распространяет сплетни. Трудно избежать ощущения дискомфорта от пребывания в таком месте. Вот почему мне пришла в голову мысль вывезти их отсюда.”-Чу Цин-Янь не стеснялась в выражениях. Сейчас она уже видела их отношение к родителям, кроме того, что они нуждались в еде и одежде, уважительные отношения с семьёй принца действительно раздражали людей.

“Значит, будет больше людей, которые будут распространять сплетни? Цин-Янь, что ты имеешь в виду? Ты делаешь косвенные обвинения, чтобы сказать, что мы несправедливы к твоим родителям?”-Мадам Ван не смогла сдержаться, в ее тоне слышалось недовольство.

“Цин-Янь не это имела в виду.”-Чу Цин-Янь было лень обсуждать это с ней.

Она стояла посреди зала, блистая своей элегантной и изысканной красотой, словно цветок, который вот-вот расцветет.

Несколько молодых девушек, присутствовавших здесь, внезапно обнаружили, что за те несколько месяцев, что они не виделись, эта Чу Цин-Янь стала ещё более блестящей и красивой. Более того, она стала выше. Сейчас она выглядела совсем не так, как в первый раз, когда приехала в столицу. Молодые девушки начали ревновать. Но после мысли о том, что Сяо Сюй был принцем, который пережил свое время популярности и теперь был бесполезен, их сердца сразу почувствовали себя лучше.

На самом деле, ревнивое сердце человека было именно таким. Когда вы завидуете кому-то, вы вспоминаете вещи с эгоистичной темной стороны, а затем добавляете свою кучу плохих догадок. После этого ваше сердце будет чувствовать себя удовлетворенным, как бы говоря. “Послушай, ты тоже ничего.”

“Конфуций сказал: “почитать стариков, как мы чтим наших родителей.” Заботиться о чужих детях, как о своих собственных. Девятая младшая сестра, когда ты обращаешься к старшему поколению, ты должна помнить, что ты младше. В противном случае ты будешь осуждена другими.”-Чу Кун-Ан-книжный червь встал, чтобы проучить ее.

“Конфуций также говорил: “Не делай другим того, чего не желаешь себе . Вы, ребята, обедаете на широкую ногу, а мои родители пьют чистый бульон и едят тофу. Вы, ребята, хорошо относились к моим родителям?”- Чу Цин-Янь не волновало, что она испортила с ними отношения. В любом случае, раз уж заговорил льдина, она не возражала против драки.

“Конфуций сказал...”-Чу Кун-Ан продолжал говорить “Конфуций”, Но Фу Цин-Янь уже начала терять терпение и перебила его.

“Не всегда говори Конфуций то и это. У него не так много времени, чтобы прийти и уладить подобные пустяки. Просто води себя хорошо и читай книги. Иначе ты действительно станешь педантичным книжным червем.”- Чу Цин-Янь больше всего ненавидел таких людей, как он, которые всегда притворялись мудрыми, без конца открывали и закрывали рот, всегда были “мудрыми”, проводя праздные дни, и говоря, что они умрут за доброе дело, считая себя непогрешимыми.

“Ты...” - он всегда был гордостью семьи, но сестра, которая была моложе его на несколько лет,

вдруг начала читать ему нотации. Чу Кун-Ан был так взбешен, что все его лицо покраснело. Поскольку он хвастался своим умом и хорошими манерами, он не мог вести себя как женщина, выкрикивая оскорбления как торговка рыбой. Он мог только сердито сказать: - "Конфуций говорил, что трудно вырастить только женщину и мерзкого человека!"

"Я не лучше и не хуже тебя. Не забывай, что человек, который тебя вырастил и родил, тоже женщина." - Чу Цин-Янь не тратила усилий и легко контратаковала.

Чу Кун-Ан чуть не захлебнулся от гнева. Он закатал рукава и сел.

Ее собственного сына ругали так ужасно, что краем глаза мадам Син видела, как жена третьего мастера Чу, мадам Ван, смеется в рукав. Ее сердце было очень расстроено, и она встала. Все ее лицо было полно выражения обиды, когда она сказала Сяо Сюю. "Ваше Высочество Принц Ин, вы видите, что, хотя Цин-Янь еще молода, она очень вспыльчива. Сегодня она осмелилась не повиноваться старейшинам и не уважать своих кузенов перед вами. Если так будет продолжаться, вы представляете, какой она будет в будущем?"

Скрытый смысл заключался в том, что уже сейчас она стала очень смелой, а значит, в будущем будет еще хуже. Значит, Его Высочество должен отругать ее.

Мадам Син думала, что ее сеяние раздора будет эффективным, но она ошибалась. Если бы Сяо Сюй не уважал Чу Цин-Янь, он никогда бы не ступил в поместье Чу. Теперь она хотела, чтобы Сяо Сюй отругал ее, но это было еще более невозможно.

"Это потому, что король избаловал ее, Мадам Син возражает?"-равнодушно сказал Сяо Сюй и даже не потрудился взглянуть на нее.

Мадам поперхнулась и не знала, что сказать. Ее лицо уже покраснело от смущения.

И только теперь остальные поняли, в чем дело. У Чу Цин-Янь уже был Его Высочество Принц Ин, это огромное дерево, на которое она могла опереться. Тогда, если они так цеплялись за неё, разве это не было равносильно сидению в тени этого огромного дерева?

Эта мысль только оформилась в их сознании, когда Чу Цин-Янь начала говорить.

"Поскольку никто не возражает, вопрос решается следующим образом."

Старейшина мадам Чу немедленно попыталась остановить ее и заговорила. Ее обычно резкое и недоброе выражение лица теперь изо всех сил пыталось изобразить дружелюбие. Но из-за того, что у нее часто было строгое, суровое лицо, она выглядела на тридцать процентов свирепой и еще на шестьдесят-устрашающей. Не только Чу Цин-Янь, другие люди тоже не могли этого видеть. Один за другим они отворачивались.

"Девятая девочка, не веди себя с бабушкой как посторонняя. Мы все одна семья, зачем жить в двух разных домах? Если ты беспокоишься, что твои родители будут страдать от обид, двоюродная бабушка может гарантировать, что этого не будет. Пока бабушка жива, я никому не позволю издеваться над твоими родителями."

Чу Цин-Янь холодно рассмеялась. Если бы ты не подавала пример как глава семьи, как бы мои родители могли так плохо жить в поместье Чу?

"Большое спасибо за добрые намерения."-Цин-Янь еще раз поблагодарила ее. На ее лице все еще было выражение отказа.

Чу Чжи-Мин в ярости вскочил. Но он не осмелился указать на Чу Цин-Янь, поэтому повернулся к папаше Чу и зарычал.

“Старший брат, не забывай, кто твой благодетель. Если бы не семья Чу, как бы ты мог иметь свой нынешний статус? "Спаси крысу, чтобы она прогрызла мешок" - это о таких людях, как ты!”

Папаша Чу озадаченно посмотрел на него.

“Я не видел, чтобы ты разводил крыс!”

Чу Чжи Минг испытывал некоторое сожаление.

Но Чу Цин-Янь уже была спровоцирована. Людей, которые запугивают ее родителей, она точно не отпустит.

“Второй дядя, ты неправильно произнес эти слова. Если бы не военные подвиги моего отца, как семья Чу могла бы иметь это поместье, чтобы спастись от ветра и дождя? Десять лет назад вы, ребята, не слушали объяснений и выгнали моих родителей из семьи Чу. Вы когда-нибудь думали о том, чтобы "укусить руку, которая вас кормит"? В этот период, когда я вошла в поместье принца, вы получили много поздравительных подарков. Ты тайно присвоил все, что попало на склад, но все равно плохо обращаешься с моими родителями. Если бы не моя материальная помощь, как бы выглядело это место сейчас? Ты когда-нибудь думал о фразе "гни благодетеля в зубы"? ”

Неторопливо произнося это, Чу Цин-Янь подчеркивала каждое слово. Ее взгляд скользнул по сидящим. Никто из них не осмеливался поднять головы, чтобы посмотреть в ее ясные пронизательные глаза.

Старший мастер Чу и старшая мадам покраснели от гнева, но, в конце концов, они не могли сказать ни слова, потому что Чу Цин-Янь говорила правду. Но они не чувствовали стыда, скорее, они понимали, что Чу Цин-Янь обладала даром болтать и больше не могла быть использована. Поэтому их сердца были полны гнева.

После того, как малышка высказала этой возмутительной семейке достаточно, удовлетворенный Сяо Сюй встал. Потом он сказал Гу Рону и Гу И. “Фиксированная дата - это то же самое, что и случайная. Тогда уезжаем сегодня!”

Вопрос о переезде был решен.

Люди семьи Чу не осмеливались сказать больше ни слова.

Сяо Сюй бросил взгляд на присутствующих и ясным и холодным голосом сказал: - “Этот король не хочет, чтобы люди беспокоили его тестя и тещу с этого дня.”

Его взгляд слегка опустился, когда все опустили головы и согласно закивали. Они даже не смели громко дышать.

Чу Цин-Янь не обратил внимания на слова тестя и тещи. Ее сердце было очень счастливым. От всего тела льдины исходила сильная аура, которая не могла остаться незамеченной!

Только взгляд папаши Чу слегка сверкнул.

<http://tl.rulate.ru/book/8270/528914>